

Наталья Сорокоумова

Свет внутри меня

Наталья Сорокоумова

Свет внутри меня

«Автор»

2026

Сорокоумова Н. А.

Свет внутри меня / Н. А. Сорокоумова — «Автор», 2026

После загадочного зелёного рассвета, когда солнце встаёт не с той стороны, Алексей замечает, что способен останавливать время и видеть будущее. С каждым новым проявлением сила растёт — вместе с болью, видениями и воспоминаниями, не принадлежащими ему. И когда вокруг рушится привычный порядок — техника отказывает, люди теряют память, а на горизонте рождается неестественный свет, — Алексей понимает: это не конец света. Это его начало.

© Сорокоумова Н. А., 2026

© Автор, 2026

Наталья Сорокоумова

Свет внутри меня

Евангелие от Марка (13:24 и далее): «Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звёзды спадут с неба, и силы небесные поколеблются».

«Моей семье, которая всегда
рядом, несмотря ни на что, посвящается...»
Сорокоумова Н.А.

Свет внутри меня

Глава 1.

...Мы считаем, что наша наука и медицина продвинулись так далеко в изысканиях, что могут объяснить и обосновать любое событие и любое состояние вещества. Пусть даже обоснования выльются в одно веское и совершенно недоказуемое резюме – это законы Вселенной, знаете ли... И кто там потом будет проверять – закон это Вселенной, или исключение из её закона, поправка ли к нему или вообще нечто, с законом никак не связанное, но в 99% случаев многозначительность данной фразы ставит железобетонную точку над всеми i.

Вот, например – хаос. Что было первично – хаос или упорядоченная система известной нам Вселенной? Что из чего вышло? Энтропия, конечно, в упорядоченной системе стремится к максимуму, стремится всё вернуть в первозданный беспорядок, разделить сущее на изначальные энергию и материю. Или наоборот, энтропия в хаосе беспрерывно бурлит и видит, как бы ей уйти в ноль, оставив системный порядок всему ныне существующему сознанию? Ой, да, господа доктора и профессора физики, только не надо бить себя в грудь и стенать о дилетантстве подобных заявлений. Уже не раз опровергались ваши незыблемые постулаты физических законов, и Эйнштейн оказался не безгрешен, так что...

...Хаос? Причём тут хаос? Где это вообще?... Ладно, лучше – о другом, о привычном.

...Мы знаем, что такое иммунитет и досконально разобрались в его механизме, в органах, ответственных за его работу, знаем, что на него влияет, как его усилить, как ослабить. Но до сих пор медицина не знает, почему у некоторых людей врождённая невосприимчивость ко многим вирусным и микробным заболеваниям, а у других – полная неспособность им противостоять при лабораторно установленной нормальной работе организма. Мы даже знаем, что существуют индивидуумы, на которых не действует радиация – но почему, на это ответа нет. «Какие-то там законы Вселенной», опять же...

Мы знаем сроки вынашивания плода у всех видов животных, изучили аномалии развития и особенности рождения. Но мы не знаем, почему детёныш человека рождается самым беспомощным, самым беззащитным среди всех живых существ Земли и «зреет» очень долго в окружающем его мире. Ему нужен большой период времени, чтобы научиться выживать и обслуживать себя, добывать пищу и достичь возраста, годного для воспроизводства себе подобных. Почему?

Мы знаем о том, что гениальность и безумие могут быть заложены в генах, но разве мы знаем что-нибудь о том, почему гениальность достаточно редко наследуется по прямой линии или проявляется у наследника потомственных алкоголиков или наркоманов? Почему вдруг сын неграмотного рыбака, в роду у которого тоже были сплошь неграмотные рыбаки и неграмотные рыбачки, вдруг обнаруживает в себе способность легко разбираться в тонкостях математического анализа, даже не понимая, что это называется математическим анализом? Или

дети талантливейшего писателя оказываются хроническими игроками и пьяницами, и ни в одном из них не продолжается дело гениального отца, словно та гениальность была внезапной вспышкой, генетической или иной мутацией, отклонением, болезнью, уродством... Рecessивные гены. Доминантные гены. Опять – те же необъяснимые «законы Вселенной».

Мы даже толком не знаем, что есть уродство. Натуживая интеллект, мы противопоставляем уродство красоте, при этом не в состоянии понять, что же такое красота... любая красота... Мы называем красотой то, что приносит нам удовлетворение при созерцании, то, что идеально по каким-то особым, только нашим разумом воспринимаемым, пропорциям, и бормочем про золотое сечение, цвет и звук, форму и размер, геометрию и целостность. Очень-очень плоско, господа, весьма поверхностно. Красота – это ещё и вибрации. Уродство – тоже вибрации. Но знаем ли мы, почему один и тот же предмет разным людям кажется уродливым и красивым одновременно? Ни черта мы, господа, не знаем... Стыдно, господа... Наверное, мы просто верим в то, что думаем и в то, что видим, хотя толком и не знаем, что видим. И особо верим в то, что не видим, потому что невидимое обладает особой притягательной тайной и волшебством... Вера – основа науки? Сначала – вера, потом – доказательства. А впрочем...

– Ну, и чем вы нас сегодня ошеломите, Алексей? – профессор Комлев сдвинул массивные очки на кончик носа и поглядел поверх оправы. – Я вижу, вас прямо распирает...

Алексей невольно вздрогнул от звуков голоса профессора – в голове была пустота и только бились остатки мыслей: красота – это вибрации, стыдно, господа, стыдно, математический анализ... Что же он говорить-то хотел? Хотел же что-то сказать...

Профессор всегда был оригинален: вместо «рассказать» он употреблял слова «поведать» и «ошеломить» («Лекция ошеломит вас событиями далекого и ужасного 1812 года»), если студент отпрашивался с занятий, то непременно слышал в ответ – «а как же я без вас лекцию вести буду, не имею права-с», девушек называл игриво «курочками», ребят – почему-то «зябликами», своих коллег – не иначе как «столп отечественной биохимии Андрей-свет Иванович, надежда мировой экономики Раиса-свет Семеновна, оплот русской литературы Инга-свет Эдуардовна». Иногда это звучало комично, иногда раздражало страшно, и непонятно было – то ли шутит, то ли всерьез считает институт и преподавателей столпами и оплотами.

– Я, собственно... – сказал Алексей и замолчал.

Все смотрели на него в надежде, что сейчас он спасет всю аудиторию от неизбежного «контрольного забега» в конце пары (так профессор Комлев называл экспресс-опрос – один вопрос каждому студенту: на размышление – 10 секунд), но Алексей моргал и смотрел на кончик профессорского носа – чччерт, что же хотел сказать?

– Поня-я-тно, голубчик, – прогудел профессор и вернул было очки на место, чтобы найти Алексееву фамилию в журнале, как на того «вдруг нашло» и он выразительно произнес:

– Я считаю, что наука наша сейчас бессильна против проявлений материального мира так же, как и триста лет назад.

– В самом деле? – рука профессора застыла над графой в журнале. Алексей взглянул на эту руку с зажатой шариковой ручкой (как меч судьбы, честное слово!) и торопливо пояснил:

– Науке известно большинство механизмов таких проявлений, но ни черта мы не знаем о причинах, их породивших...

– Например...? – профессор вновь сдвинул очки к кончику носа.

И Алексей принялся излагать свои недавние мысли, сумбурно и комковато возникающие в голове, словно читая по бумаге чужие изыскания и ничего в них не понимая – про вибрации и про веру, про энтропию хаоса и порядка. Аудитория облегченно выдохнула и занялась непосредственно подготовкой к перемене – вынула мобильники, зашуршала пакетиками с сухариками, защелкала застёжками на сумках разного калибра.

Алексей закончил говорить одновременно со звонком.

– Мда, – сказал профессор, поигрывая авторучкой и рассматривая Алексея. – Шедеврально и... похвально. Но, простите-с, какое отношение ваша речь имеет к теме лекции? Ведь мы с вами пытались разобраться в происхождении основных мировых религий...

Расслабленная аудитория позволила себе безнаказанный смешок...

– Как – какое? – искренне удивился Алексей. – Любая религия – суть вера. Бог это или законы Вселенной – ими можно объяснить всё: от атеизма до фанатизма. Главное – верить.

– У меня создается впечатление, что вы, Алексей, существуете в каких-то других измерениях, сильно отличных от нашего, привычного мира, – сказал профессор. – Впрочем, ваши перлы поистине удивительны в своей наивности, хотя и небезынтересны, весьма... Ладно, курочки и зяблики мои, можете быть свободны. И прошу не забывать о сроках сдачи курсовых!

Студенты, шумно переговариваясь, выдвинулись к выходу, медлительного Алексея подтолкнула под локоть, как бы случайно, величественная и бесподобно красивая Анжелика, первая красавица университета (вообще была она по паспорту Анной, даже – Ганной, но называть её так означало стать лютым врагом, а мстить она могла и умела – в ее ухажерах числился всемогущий сынок ректора), и сам Алексей последним плелся позади всех с дружкой своим, Кириллом Лепнёвым, сражаясь на ходу с лямками рюкзака, как вдруг Кирилл по всегдашней своей привычке тихо вякнул на ухо Алексею «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться!» и сразу же угадал, как обычно, потому что профессор произнес:

– Калинин, задержитесь.

Кирилл изобразил злобный немой хохот, богиня Анжелика бросила на него изящный косой, безукоризненно прозрачный голубой взгляд через кукольное плечо, и дверь аудитории захлопнулась.

Тщательно пытаясь скрыть отпечаток нарочитой обреченности на своём лице, Алексей покорно скинул рюкзак на скамью.

– Чем могу... Пал Андреич?

Профессор Комлев, прежде чем ответить, потер переносицу, тщательнейшим образом просмотрел оба стекла огромных очков на предмет запыления, пригладил остатки волос над ушами и, наконец, сказал:

– Калинин... Интересная у вас фамилия, Калинин... Выразительная.

– В наследство досталась, – ответил Алексей.

– Разумеется... А по батюшке вас как кличут?..

– Пока никак.

– А по паспорту? – настаивал профессор.

Алексей сморщился перед тем, как ответить, но отвечать пришлось:

– Аполлинарьевич...

– Как?!

– Пал Андреич, мне на следующую пару надо – а ещё до корпуса бежать, – сказал Алексей.

– Это батюшку вашего Аполлинарий звали?

– Как звали моего батюшку – мне неизвестно... Мама не сказала – умерла при родах. А отчество тётка записала – на день моего рождения пришлось святой Аполлинарий. Назвать так не посмела, а отчество дала...

– Аполлинарий... Аполлинарий... Занятная тётушка у вас, однако. Верующая?

– Глубоко.

– В первом веке нашей эры император Домициан устроил суд над философом Аполлинарием. Во время суда Аполлинарий внезапно исчез на глазах присутствующих и появился в тот же день на расстоянии нескольких дней пути от Рима. Знакомы с этой тёмной историей?..

– Эээ, – сказал студент.

– Послушайте, Алексей, – безо всякого перехода сказал Павел Андреевич, вставая из-за стола. – Мне совсем не понравилась ваша курсовая. Бред сивой кобылы, уж простите... Извольте переписать.

– Так... – Алексей на секунду обалдело посмотрел на профессора. – Я же не сдал ещё!

– Не сдали? – даже не удивился профессор. – Вот и чудно. Какую тему брали?

– Древнеславянский эпос...

– Велико, – протянул профессор и тут же продолжил: – Но для вас не пойдет, мелко-вато... Возьмите-ка... О, происхождение русских фамилий на примере... Да хотя бы на примере вашей.

– Это ещё зачем?

– Считайте это индивидуальным заданием.

– Хорошо, – покорно сказал Алексей.

– Славненько, – сказал профессор, с видимым удовольствием потирая толстые, прямо-таки огромные руки. – Вы спортом увлекаетесь, Алексей?

– Что? – эти внезапные переключения темы беседы окончательно запутали студента.

– Спортом, говорю, увлекаетесь?

– Д-да... телевизорным, главным образом...

– Жаль... При ваших физических данных и росте... Волейболом не интересуетесь?

– Едва ли...

– Ступайте. А то опоздаете, в самом деле...

Измученный Алексей направился к выходу, и вслед ему было сказано:

– Тётушке вашей – привет большой и поклон от меня.

– Всенепременнейше, – в тон профессору ответил Алексей и вышел. На душе стало тяжело – всплыли ненужные, с трудом гасимые воспоминания и детали, вспоминать которые совсем не хотелось...

В самом деле, ну, кому будет интересна история его жизни, где единственная близкая родственница Алексея, тётя Валя, Валентина Матвеевна, скончалась год тому назад от внезапной аллергии на лидокаин в кабинете стоматолога. Пришел живой, здоровый, в общем-то, ещё человек удалить зуб – и вынесли человека вперед ногами через 10 минут. Было тётушке 92 года, и сама тётушка ещё была энергична и бойка, водила старенький «Запорожец» и ловко управлялась с домашним хозяйством – коровами, несколькими свиньями, двумя десятками кур и огородом в 50 соток. Торговала овощами со своих грядок, молоком от собственной коровы, и единственного племянника Алексея всю жизнь баловала.

Жили хорошо, в достатке, но замкнуто – тётушка подружек не привечала, мужа у неё не было никогда, и внезапная смерть тётушки Алексея потрясла и едва не убила: он ехал за рулем «Запорожца», только-только отвез тетю к врачу, сам помчался в институт, была сессия, и тут – звонок из стоматологической клиники. Он сначала притормозил, но, услышав горестную весть, потерял ощущение реальности, выехал на встречную полосу. Тогда просто повезло – несущийся прямо на него КАМАЗ сумел уйти от столкновения, вильнул, врезался в ограждение трассы, и Алексей тоже врезался, но уже в фонарный столб, и чудом остался жив, получив только несколько синяков... Хотя что было называть чудом? Разве что вдруг ставший вязким, как смола, воздух в лёгких и внезапную потерю ощущения времени, когда КАМАЗ находился в нескольких метрах и застыл, словно поднявшись на дыбы. Даже мелкая городская пыль неподвижно зависла, как в невесомости, сверкая на солнце, и Алексей тогда инстинктивно выбросил руку вперед, защищаясь от удара. КАМАЗ по невероятной, крутой траектории рванул в сторону, будто отброшенный невидимой силой... «Запорожец» смялся, но выстоял, потом и ездил такой покореженный, как ветеран боевых действий.

...После похорон пришлось всю живность продавать – мотаться из города в поселок каждый день было нереально. Остался большой, почти барский дом и огород, который вскоре

зарос бурьяном и колючкой, а оставшийся урожай Алексей разрешил собирать соседям, но продать недвижимое имущество после вступления в права наследства так и не смог – душа болела.

Вот и остался Алексей Аполлинарьевич Калинин в неполные 20 лет один-одинешенек на всем белом свете... Что, впрочем, не помешало ему отлично учиться, одновременно подрабатывая то промоутером (благо, внешность была выдающаяся – худощавого телосложения, рост 182 см, глаза голубые, хорошо поставленный от природы голос и необыкновенная улыбка, ошеломительно действующая на дам всех возрастов и социальных положений, чем сам Алексей никогда не пользовался в личных целях), то ходячей рекламой в торговом центре, то разносчиком газет с объявлениями. Выбрал он экономический факультет, но какой он, к черту, был экономист? Цифры ему были скучны, бумажная работа действовала как наркоз, и к концу первого курса он уже не был так уверен, что хочет посвятить свою жизнь бухгалтерским расчетам. Но так же и не был уверен в том, ЧЕМУ ИМЕННО он хотел бы эту жизнь посвятить.

Очень нравилось ему размышлять – поймать какую-нибудь захудаленькую идейку, мысль, даже отголосок мысли, «дуновение ветра снегов», нечто отвлеченное от реальности, и погрузиться в раздумья. Иной раз он приходил к странным умозаключениям, на него вдруг «находило», и лезла в голову откровенная чушь, чушь несусветная, словно бы и не в его голове рожденная, а высказанная со стороны, как будто даже чужая мысль-отголосок, подслушанный обрывок, однако он понимал эту чушь до тех пор, пока был сосредоточен на ней, рассматривал, крутил, разбирал на запчасти, радовался незнакомым ощущениям всезнания и собственной уникальности, а затем это внезапно кончалось, рушились стройные гипотезы и теории, рассыпалась в прах конкретика и ничего не оставалось, кроме приятной усталости, расслабленности, и некоторого удивления – а что это сейчас, собственно, произошло?

Понятное дело, что данное занятие ни денег, ни пользы никакой не приносило. И применить его для таких целей не удавалось – на заданные темы Алексей размышлял мало. Темы приходили сами – оставалось только поработать с ними, как с бесформенным куском глины. Вот такое невинное хобби.

Потому и «индивидуальное задание» от профессора Комлева на некоторое время вогнало его в ступор: свою тему старославянского эпоса он попросил сам, даже уже черновичок для курсовой набросал, и многое там было придуманного, надуманного, собственного, нафантазированного от души, а теперь нужно было ломать себя, ползти в библиотеку и искать что-то конкретное, и совсем даже неинтересное, какие-то неопределенные ссылки и упоминания, может быть, и архивы старые перерывать в поиске однофамильцев и их достижений, и собственные взгляды на жизнь пересмотреть... а может, и придумать красивую легенду о предке Калине... например, каком-нибудь N-ском богатыре, или могучем кузнеце Калите, одолевшем пресловутое Идолище Поганое, или спасшего какого-нибудь неумного князя, сдуру решившего побряцать оружием в честном бою... даже можно сослаться на «Бархатную книгу», дескать, был такой шустрый боярин по прозвищу Калина или фамилии Калинин, служил Ивану свет Васильевичу, да несуществующий «Родословец земли Саратовской» припомнить и так далее...

Ладно, не будем капризничать – и тут можно развернуться. А Комлев – мужик демократичный, ценит упорство и трудолюбие, не чужд и легкой фантазии, пусть потом роется в своих источниках и выявляет, выводит на чистую воду, разоблачает... Ха!

Глава 2.

– Долго будешь хандрить, Лёха? Потусил бы, развеялся... – сказал Кирилл. – Закрутил с девчонкой... А?

Алексей выразительно перевернул страницу и вновь углубился в чтение. Вообще он страшно хотел спать – несколько ночей недосыпа, зубрежка перед экзаменами, бесконечные повторения и чтение утомили, ввергли в некоторую апатию. Кроме того, несколько часов сна

под утро тоже не принесли облегчения – снилась какая-то напряженная чепуха, призрачный город на чёрных холмах, ажурный и тонкий, будто сплетенный из голубоватой жесткой паутины, а потом ещё Алексей долго бегал по этому городу, пустому и холодному, тщетно разыскивая людей... Кажется, там в итоге состоялась встреча – контур рослого человека без лица стал преследовать беспокойного Алексея, но вовремя сработавший будильник (хотя треньканье будильника сквозь глубокий сон звучало долгим, протяжным паровозным гудком, и даже сам паровоз – чугунный, тяжелый, этакая изъеденная ветрами и песками чёрно-рыжая болванка на монорельсе, – словно бы промчался мимо Алексея, обдав его душным паром и жаром) избавил его от неизбежного жуткого общения... Но ребята спать пока не собирались, а малодушно подремать тут же на диване Алексею не позволяло чувство собственного достоинства. Поэтому он держался, как мог.

– А я вот не могу жить без девушек, – сказал Кирилл, выискивая на лице друга хоть какие-то признаки того, что тот слушает – пусть даже краем уха. – Люблю их... каждый день...

– И оттого прыщей полна морда, – мстительно сказала Любка.

– Это плохой обмен веществ, – быстро ответили Кир.

– Это плохой выбор партнерш, – резонно возразила Любка. – И курить бросать надо...

– Не вижу связи, – буркнул Кир.

– Вот, – торжествующе подняла палец Любовь. – Мало – прыщавый, да ещё и слепой!

Кирилл бы огрызнулся, но, взглянув на Любку, увидел, как солнечный ореол светится вокруг её головы (она стояла спиной к распахнутому окну и короткие пушистые волосы сияли, как золотая корона, в свете заходящего солнца), и заткнулся, очарованный.

Кирилл со школы был влюблен в эту всегда по-мальчишески стриженную девчонку Любку, Любовь Павловну, – они с первого класса учились вместе, в одной деревне у своих бабушек проводили каникулы, и на экономический факультет Кирилл пошел только из-за неё, сжигаемый приступами ревности. А Любка с ума сходила по Эдуарду Валентиновичу – Эдьке, сынку ректора, по совместительству – соседу по лестничной площадке и также бывшему однокласснику. Эдька же поклонялся богине Анжелике, а богиня Анжелика-Ганна (искусственно-прекрасная и столь же пугающая своей красотой, как и привлекающая ею) собирала коллекцию своих почитателей и была одинаково холодна и притягательна со всеми представителями мужского пола.

Алексей вспомнил вдруг её красивый, ярко-красный рот – глянцевая помада модного бренда. Невероятная бледность лица всегда одинакова, словно покрытая невидимым, но профессиональным, театральным гримом. Чёрные выющиеся волосы и поразительно прозрачные, глубокие, завораживающие, но пугающие глаза – казалось, удержи взгляд и попадешь под мощный гипноз. Прекрасна, конечно, сказать нечего, но какая-то кукольная, неживая, даже распахнутые глаза неподвижные, смотрят на тебя, а словно мимо, в пустоту, даже – сквозь тебя... Бледный взгляд, как точно сказал однажды Кирилл. Нарисованная, роботообразная, в общем.

...Вообще интересно – может ли быть красота чересчур красивой? А отталкивающей? Или, опять же, это всё строго индивидуально – одному нра, как говорили известные сатирики, а другому не нра... А мне почему не нра? Может, слишком красивый человек кому-то кажется... эээ... гипертрофированным? О, это мысль – гипертрофированная красота. Надо будет предложить такую идейку... кому? Нет в институте предмета – размышления о красоте. Даже предмета «биология» нет, как жаль. Разве что просто пофилософствовать. Каждый человек индивидуально красив, и красивым можно быть даже при наличии физических изъянов – руки, например, нету у человека, или, скажем, прыщами покрыт. Говорят, душа тоже красива. Душевно красивый. А как это? Добрый, нежный, ласковый, всепрощающий? Этакий ангелочек – белый и сладкий. Так и от большого количества сладкого может сахарный диабет развиваться.

– А по-моему, это очень романтично – сохранить невинность для единственного любимого человека, – сказала Любка.

Кирилл издал звук, похожий на тихий стон и, предусмотрительно приняв боевую стойку, тут же ответил:

– Сохранишься, пожалуй, если у тебя каждый день любовь, и каждая – единственная!..

Любка запустила в него диванной подушкой, Кир по-театральному злорадно захохотал. Он вообще любил позёрство.

Любка с размаху упала на диван рядом с Алексеем.

– Сессия... – сказала она безо всякого перехода. – Ненавижу.

Зазвонил телефон. Любка перегнулась через Алексея всем телом – специально, чтобы отвлечь от книги, дотянулась до трубки (телефон был стационарный, стилизован под старину, с золотистыми узорами, с огромной тяжелой трубкой на толстом витом проводе и с неожиданно мелодичным для такой громадины звонком) и выразительно сказала:

– У аппарата...

И после длинной паузы торопливо:

– Да, папа... Конечно... А когда? Ммм... Хорошо, накормлю... Мы? К сессии готовимся... Да... Учим, учим... Конечно.

Она, лежа поперек колен Алексея, терпеливо держащего книгу на уровне лица, покачала трубку на ладони.

– Папы до утра не будет, – сообщила Любка.

– Он на конференции. У неё и заночует, – отозвался скабресный Кир. – А чего грустим? Хата свободна! Тусим, братцы...

Любка встала и выволокла из тумбочки кучу учебников, принесла из спальни ноутбук и планшет.

– Тусим, – согласилась она. – В компании с Кантом и Шпенглером. Лёша, ты можешь в общагу не уходить, я сейчас чего-нибудь пожевать соображу – и можно спокойно учить допоздна. В тишине и покое.

Последние слова она произнесла с нажимом, уперев взгляд в Кира, дурашливо изображающего балансирующего канатоходца с тремя книжками на голове.

– Философия – продажная девка империализма, – сказал с сожалением Кир и сделал вид, что выбрасывает книги в окно.

– Философия – основа всех наук, – важно сказала Любка, отбирая книги. – Мой отец так говорит.

– Дайте мне литр виски, и я покажу, как родилась философия, на первых же ста граммах, – буркнул Кир. – Как говорил Эйнштейн – мир его праху, – философия это нечто, что можно бесконечно долго жевать, а проглотить нечего. О, пожевать бы!

И Любка тотчас убежала на кухню – делать бутерброды. Кирилл ринулся было за ней, но Алексей перехватил его и глазами показал на диван – садись и учи. И сам уткнулся в книжку.

Огромные бутерброды были сделаны (Бутерброды крестьянские, – многозначительно охарактеризовал Кир, впихивая в рот толстенную конструкцию из белого хлеба, сыра и ветчины. – Вес нетто шесть кило!), съедены, запиты до невозможности крепким и сладким чаем – сахар нужен для мозга, многозначительно сказала Любка.

И село солнце, и жаркий город погрузился в беспокойные, звенящие звонками трамваев и перекличкой сигналов поздних машин сумерки, а потом глубокая ночь окутала дома и погасли последние огни в окнах высоток напротив, а три студента лениво спорили о взглядах Шпенглера на культурную историю человечества, сонно моргая и позевывая, плотно усевшись вокруг круглой тумбы с лампой под зелёным абажуром... Кир Шпенглера очень даже поддерживал – дескать, история дискретна, и ознаменовывается резкими перепадами в росте и деградации культур, а Любка возражала – что слишком мало мы, современные люди,

знаем о древней истории, и что скачки, возможно, скачками не были, а нам с высоты времени кажутся скачками, а на самом деле растягивались на много поколений, были медлительны и малозаметны. Алексей же предлагал рассмотреть историю культур с точки зрения физики, а именно – квантовых скачков, которые переживают электроны на орбитах атомов. Внезапные скачки электронов, сказал он, полностью меняют свойства веществ, которые состоят из атомов, и происходит не умирание культуры, а её качественное изменение – от застоя к прогрессу и обратно, на затухание.

И было уютно, по-домашнему приятно было тихо говорить о непонятном, чувствовать себя бесконечно возвышенным над всем остальным спящим миром, понимать, что сессия эта скоро закончится и останется ещё два длинных, полностью свободных от занятий летних месяца, а там – отдых, сон до обеда и рассуждения до полуночи, река, купания дни напролёт, походы в городской парк, называемый лесом, за грибами, и никто из них троих не поедет за город, к бабкам и тёткам, потому что ни у кого из них уже нет бабушек в деревне, и нет нужды ехать туда, «в первобытную интеллигентскую глушь барствовать» – говорил брезгливый с недавних пор до всего деревенского Кирилл, этот горожанин до мозга костей... И экзамен по философии – последнее испытание перед затяжным прыжком в сладкое безвременье.

И была приятна хозяйственно-обольстительная Любовь, сверкающая гладкими полными ногами, на которые бесстыдно пялился Кирилл, и был приятен он сам, элегантно-благодарный после толстых «мужичьих» бутербродов с блестящей от сока ветчиной, и был приятен тихий вечер у открытого окна на одиннадцатом этаже высотки в необъятной профессорской квартире с тяжелой, обстоятельной мебелью и старинным телефоном... Нежная, влажная прохлада забралась в комнату, и все стало ещё симпатичнее, потому что Любка вдруг сказала – у меня греческий коньяк есть, по чуть-чуть нальем? И Кирилл тут же отозвался в том смысле, что было бы неплохо, и образовалась бутылка коньяка, и три аристократичных широких бокала, и даже лимончик... Кирилл разразился одой в честь столь удачного сочетания, и вовремя и к месту процитировал из классики, что человек — это только промежуточное звено, необходимое природе для создания венца творения: рюмки коньяка с ломтиком лимона... После этого он выпросил-таки у Любки сигару, и вальяжно разлегся на необъятном подоконнике с рюмкой в руках и сигарой в зубах, улыбаясь как-то по-особенному расслабленно. Потом был неспешный обмен мнениями о том, кто же будет принимать экзамен по философии, и Кирилл уверенно перечислил всех членов комиссии, и не было причин ему не верить – он не ошибался в этом никогда, было у него какое-то то ли чутье, то ли правильная оценка событий.

Алексей смотрел на Любку и Кирилла сквозь полузакрытые веки, и улыбался тоже, коньяк разливался приятным теплом, и он позволил-таки себе задремать, положив голову на плечо сидящей рядом Любки, а она не только не отодвинулась, а даже чуть поменяла наклон плеча, чтобы Алексею было удобней. Сквозь дрему слышал он ровное бормотание Кирилла, и слышал, как мягко возражает Любка, но спора между ними не было, и уже как будто философия ушла в сторону – осталось только ощущение чего-то важного в душе, ощущение хорошо сделанного дела, законченного, совершенного.

От хандры не осталось и следа. Но прав был проницательный Кирилл – что-то творилось в душе, что-то не то было в мыслях у Алексея, если не беспокойство, то необычная напряженность нервов мешала воспринимать реальность, и слишком часто появлялись приступы «дежавю», про которые тётка Валя говорила, – а она знала, что говорила, потому что много повидала и многое испытала, – что это чувство – интуиция и предвидение событий, уже совершенных человеком мысленно в будущем, а потом физическое тело догоняет мысли, и они сливаются воедино, как и должно быть. Но сейчас, после философских разговоров, бутербродов и порции коньяка, это беспокойство притупилось, замолчало, растворилось в новых ощущениях.

И миллиард лет до конца света, подумал сквозь дрему Алексей, проваливаясь сквозь диван в ласковую вибрирующую пустоту, полную звёзд и призрачного мерцания. Ещё миллиард лет... до конца света...

Уснул он или нет – он не понял, наверное, всё-таки уснул, и панорама призрачного, будто бы нарисованного тонким мелом на чёрной глянцевой доске, города вновь явилась сквозь дремоту, завораживая четкостью линий и пропорций. Шел по узкой улочке, широко шагая нарисованными ногами-ходулями человечек, остановился вдруг и присел на одно колено, разглядывая что-то на чёрной земле. Вот он поднял голову и медленно повернулся к Алексею, но внезапно где-то далеко прогудел паровозный гудок, и резко качнулся диван, город и человек пропали из виду, и вскочила Любка, взвизгнув от неожиданности, а Кирилл кубарем скатился с подоконника, уронив сигару и опрокинув бокал. Алексей рывком сел, но следующий толчок повалил его обратно на диван, погас свет в квартире и все замерло.

В полнейшей темноте и тишине было слышно только, как громко дышит испугавшаяся Любка и как шарит, едва слышно чертыхаясь, по полу в поисках сигары Кирилл. Все звуки с улицы пропали, замолкли поздние машины и погасли фары и фонари. Алексей нащупал мобильник в кармане и включил фонарик. Кир облегченно выдохнул, найдя сигару – она, к счастью, сразу погасла и не успела прожечь дыру в толстом шелковом ковре.

Любка еле слышно спросила:

– Землетрясение?

– Чушь, – уверенно ответил Кир, но тоже почему-то шепотом. – Скорее всего, просто где-то что-то бакнуло и трансформатор умер...

Он выглянул в окно: в соседних домах в окошках теплились огоньки свечей, люди проснулись от толчков.

Ребята стояли посреди комнаты и молчали, не зная – то ли уже разойтись по постелям, то ли остаться всем вместе рядом и ждать включения света.

Далеко-далеко на горизонте вдруг расплылось зеленоватое свечение. Оно было нежно-салатовым, неоновым, и медленно стало расплзаться по небу, словно за слоем облаков вставало неяркое солнце. Комната окрасилась в зелёное, улицы наполнились мягким светом. Алексей погасил фонарик и все трое перегнулись через подоконник, выглядывая на проспект. Свет заполнил город, но не проснулись птицы, и не подул ветер – как бывает всегда на рассвете. Светилось всё – и деревья, и стены, и кожа, и небо, светилось одинаково зеленовато. Это был рассвет, но что-то странное происходило в мире.

– Какое-то метеорологическое явление, – сказал Кирилл, – наверняка – выброс очередной гадости в атмосферу с обогатительного завода... Я уверен, что это легко объяснимо...

– Да, – замороженным голосом ответила Люба, и автоматически процитировала: – Отражение дыма в свете луны после взрыва болотного газа.

Кирилл хохотнул, но с натяжкой, через силу.

– Что это гудит? – спросил Алексей.

Пульсирующий гул шел издалека, может быть с неба, может – из-за горизонта, но он нарастал, и его слышали все.

Еле заметно пульсировал и свет – он дергался в такт пульсу гула, словно дергалась в сети огромная рыба, хвостом и плавниками взбивающая воду. Та-тах, та-та-тах... Даже на лице чувствовалась легкая пульсация.

Через час свечение стало меркнуть, затих и гул. Город погрузился во мрак – тяжелый, молчаливый и холодный, и только потом из-за горизонта несмело показался краешек солнца, и сразу вернулись звуки, вспыхнули лампы, мир вернулся в своё обычное состояние.

Ошарашенные ребята разошлись спать, опасливо поглядывая на встающее темное солнце.

Миллиард лет до конца света, вновь подумал Алексей, а потом задёрнул шторы и лег на диван. Так ли уж и миллиард?

После этого он сразу же уснул и уже не видел, как багровое солнце, встав в полный рост, несколько минут ещё переливалось всеми оттенками от желто-белого до почти чёрного, словно раскалённый диск металла, вытасченный из горнила и медленно остывающий на воздухе. Возшло оно с той же стороны, где село всего несколько часов назад.

Глава 3.

– ... И вот вышел Иван на Калинов мост, вынул меч-кладенец и ждет, когда появится Идолице Поганое, огнём пышущее, – рассказывала тётка, одновременно продолжая вывязывать тонкое, словно невесомое, кружево из белоснежных ниток. – Ступило на мост Идолице Поганое – еле выдержал он тяжесть чудища, закрипел... А Иван: пока, говорит, я на ногах стою – тебе Калинов мост не перейти! Ровно посередке сошлись они в бою, даже солнце померкло. День быются, два, три дня уже – и никто не побеждает, силы равны. Вдруг Серый Волк кричит Ивану – Идолице-то Поганое ногою на той стороне стоит, и силы чёрные свои из своей земли черпает!... Изловчился тогда Иван и отрубил Идолицу одну ногу, и тотчас упало чудище и закричало: не губи, Иван, не руби, а дай с моста кинуться вниз самому... Опустил Иван меч, а чудище скакнуло с моста прямо в чёрную огненную реку, Смородину... И вдруг расступились тяжелые волны и вышла оттуда краса-девица: лицо белое, глаза синие-синие, коса ниже коленок, алой лентой заплетённая, а улыбка – сильнее солнышка греет... Кланяется девица-краса Ивану и говорит: спасибо тебе, добрый молодец, за то, что спас меня из шкуры Идолица Поганого, долго я маялась, заколдованная, и ждала избавителя; а за спасение моё дам тебе подарок – будешь не Иваном-крестьянским сыном, а Иваном-царевичем, а как царство Идолица наверх из-под земли выйдет, так тебе в нём и царствовать отныне... Взяла красавица Ивана за руку и пошли они вместе жить и царствовать...

– Оттуда наша фамилия пошла, от Калинова моста? – спросил маленький Алёшка, закутавшись с головой в одеяло.

– Нет, Леший, не оттуда... А откуда – бог весть, Калины много веков по земле ходят. А может, и мост тот кто-то из предков строил, так и назвали... Калинов мост – значит, закалённый, в горне прожженный, незыблемый...

– А если бы Иван не успел к мосту? Тогда перешел бы Идолице реку и стал бы всех убивать?

– Он не мог не успеть, Леший. У моста всегда есть защитник – назначенный судьбой и приведенный в нужное место, в нужное время. Иначе бы земля уже бы Идолицами бы заселена была...

Тётя Валя, бабушка Валя – Валентина Матвеевна, посмотрела на Алексея с лёгкой улыбкой... Он зажмурился сильно-сильно, представляя себе тот самый Калинов мост – незыблемый и нерушимый, с чёрно-красными огненными всполохами на толстых столбах, вросших в дно вечно бурлящей реки Смородины и...

... проснулся...

Экзамены, подумал Алексей. Ещё один экзамен – самый тяжелый, самый странный, и он закончится к обеду, а дальше... свобода до самой осени.

Солнце, вопреки прогнозам, за облаками не пряталось, светило ярко и жестко, но почти не грело. Алексей сел на подоконник, пытаясь просмотреть свежие новости на интернет-сайтах (ну, не может же быть никаких комментариев по поводу вчерашних событий, но интернет был вялый, почти никакой, страницы не грузились, хоть ты умри) и только сейчас сообразил, что в это же окно они вчера смотрели на закат. Он напрягся от неожиданной мысли, даже вспомнились случаи гало, когда на небе внезапно появлялось несколько солнц, привстал, но тут в комнату вкатилась Любка, держа на весу кофейник, крикнула «мальчики, твою ж...», проспали,

голуби!», и исчезла в кухне. В ванной шумела вода, и ругался Кирилл, бреясь профессорской опасной бритвой, запахло подгоревшей яичницей и колбасой.

Они позавтракали – проглотили еду, наскоро, давясь, не получая никакого удовольствия от пищи. Кофе тоже было мерзким и горьким – запили всё водой из-под крана, вытирая на ходу губы, помчались в институт.

Ни один светофор не работал – дорогу перебегали, где придется, и гудели машины в пробках, свистели полицейские на перекрестках, а вдоль дорог стояло невероятное количество заглухших автомобилей: владельцы беспомощно хлопали капотами, в сердцах пинали колёса, и выбегали на дорогу, надеясь поймать попутку.

– Это ХААРП, – сказал на бегу Кирилл, прерывисто дыша. – Даю голову на отсечение – это там эксперименты проводят, и это был направленный электромагнитный удар по городу!.. Видишь, даже небо зелёное! И перебои с интернетом и связью – оттуда же.

– Как связан электромагнетизм и зелёное небо? – так же прерывисто спросил Алексей, продираясь через толпу спешащих людей. Он быстро взглянул вверх – небо было мутным, но без облаков, солнце нестерпимо сверкало, однако, действительно, угадывался в мутности легкий салатный оттенок.

– На Земле не бывает зелёного неба, разве что – при северном сиянии, – возразила Любка, задыхаясь от быстрого шага. Но тоже украдкой посмотрела вверх.

– Может, редкий случай гало? – предположил Алексей.

– И всё-таки это ХААРП, – пробормотал Кирилл. – Надо было поступать на физфак...

Идти до института – несколько кварталов... Однако путь затянулся. На их глазах столкнулись несколько машин – просто слепо ткнулись друг в друга на малом ходу, как потерявшие управление. Испуганные водители выскочили, засуетились; кто-то уже звонил кому-то по мобильному телефону, и спешили к месту аварии полицейские машины, и стоял какой-то нездоровый гул над городом, гомон, болтовня тысяч людей, говорящих одновременно ни о чем, и даже сигналы автомобилей и грохот двигателей не заглушали его, а наоборот – вливались, делая его ещё более истеричным и невозможным.

Они увидели ещё с десяток аварий – и везде: беспомощно размахивающие руками владельцы, торопливо объясняющие друг другу (сорри, брат! Она вдруг заглухла, даже тормоза отказали!), качающие головой прохожие (понакупили прав, гады!) и задумчиво-строгие полицейские, отрешённые от всего, кроме смятых машин и возбуждённых водителей.

Но, самое главное – на улицах было невообразимо много людей. Много даже для часа пик. Это было плотное человеческое море, вязкая топь, идти через которую было трудно, неудобно, потно, но все шли, толкались, и не было конца-краю толпе. И все вокруг были нахмурены и сердиты, напряжены и накалены до предела и холодным солнцем, вставшим не с той стороны, и авариями, и не работающими светофорами...

– Я тебе точно говорю – направленный электромагнитный импульс, – сказал опять Кирилл.

Втроем они продирались сквозь прохожих, как сквозь остывающую лаву.

Где-то далеко-далеко раздался гудок – будто бы паровозный, томительный, протяжный, грозный и одновременно жалкий, словно молящий о помощи... От этого звука у Алексея на секунду словно бы помутилось сознание, он с силой втянул в себя воздух, закашлялся и повернул голову к Любке...

...И сразу увидел летящий прямо на них пассажирский автобус, потерявший управление... Его пронзительный сигнал разрезал реальность, словно молнией, ударил по барабанным перепонкам, застыл, растянулся огненной полосой в густом воздухе – и началось непонятное...

Нет – грохнуло в голове у Алексея. Неужели – опять?..

Сквозь пыльное переднее стекло, начавшее медленно покрываться тонкой сеткой трещин, он разглядел широко открытые глаза шофера, его распахнутый в крике рот и переко-

шенное лицо, а автобус летел уже не управляемый, сохраняя скорость, но, по сути, мёртвый и потому особо опасный... И его никто не видел – никто, кроме обернувшегося Алексея...

И вдруг возникло это чувство... Как тогда, с КАМАЗом.

Проклятое, невыносимое томяще-болезненное чувство, от которого поле зрения сузилось до крайних пределов, тело налилось тяжелым свинцом и остро заболело в лёгких, проткнутых останавливающимся временем. Дышать стало невозможно, в этом пространстве вне времени воздуха не существовало; сопротивляться тоже было невозможно – кто-то сторонний, более сильный, властный и знающий, усилием своей мощной мысли сковал сознание Алексея, оставляя ему только одно решение – сделать так-то и так-то для предотвращения беды... Он не смог бы и двинуться по своему желанию, потому что, собственно, и желаний не осталось, как не осталось вообще ничего от Алексея – в холодной чужой голове четко вырисовывался только ход действий, не выполнить которые было нельзя. И при этом было ужасно, почти до слёз жалко почему-то себя – брошенного, оупленного чужой волей, одинокого и беспомощного, вялого, больного.

Это чувство приходило к нему лишь несколько раз – в случае с КАМАЗом, потом однажды очень давно, когда проваливалась под лед соседская девочка, и совсем недавно, когда на его глазах в институте уборщица падала со стремянки, пытаясь дотянуться до уголка пыльного окна, – мир словно замер, или замедлился до почти полной остановки... А потом пришло видение вероятного будущего, совсем недалёкое, не более чем на десять-пятнадцать секунд вперёд... В пять лет он остановил время и спас падающую со стола вазочку с вареньем. В восьмилетнем возрасте Лёшка сквозь мутный воздух остановившего времени увидел, как проваливается сквозь треснувший лёд перепуганная девочка, в панике обламывая зачоченевшими руками тонкую корку проломленного льда, и за несколько секунд под воздействием узкого поля зрения и чужого приказа в голове успел в последний момент добежать и ухватить её за воротник тяжелой, быстро намокающей шубки... Они выбрались, но перепугались страшно, и, уже отбежав на безопасное от разрастающейся трещины расстояние, с ужасом наблюдали, как лёд медленно ломается и встает дыбом на реке... И только после этого внутренняя острая боль и свинец из мышц отступили, вернулось зрение и дыхание, и время потекло в обычном режиме, а силы были исчерпаны до нуля, так что Лёшка сел прямо в снег, хватая воздух ртом, а рядом тряслась девчонка, сама синяя и промокшая, но всё же оставшаяся с ним и отчаянно растирающая Лёшкино лицо деревянными от холода руками, чтобы привести его в чувство. Удивительно, но они даже не простудились после купания в ледяной воде. Тётушка Валентина Матвеевна тогда ничего не узнала – Лёшка взял слово с девчонки, что она никому не расскажет. И не наказания боялся Алексей, а вероятного тётушкиного ужаса, обморока, сердечного приступа... Живые же, и всё хорошо, кончено.

А недавно в институте, когда уборщица, стоя на самой верхушке высоченной стремянки, вдруг покачнулась и накренилась – Алексей снова выключился из реальности, пронзенный болью и сдавленным вакуумом, увидел грядущее: как стремянка медленно ударяется об оконное стекло, разбивает его и пожилая уборщица падает вниз, с высоты пятого этажа, прямиком на группу студентов, расположившихся на лавочке под крышей... В тот момент строгая мысль в пустой голове Алексей приказала ему просто ухватиться за стремянку, удержать легчайшим усилием – и... ничего не произошло, не считая схватившейся за сердце уборщицы, балансирующей под самым потолком на крохотной площадке с тряпкой в руках...

Ему не нравилось это чувство – распространение чужой воли в сознании. Он не мог его контролировать – он мог только наблюдать.

И сейчас вот так же – невероятная тишина завладела реальностью, внутренности скрутила острая боль, погас вокруг свет, кроме узкой полоски с автобусом в центре, замерли люди и машины, замер опасно накренившийся автобус перед толпой... Прокрутилась в голове короткая лента скорых событий – автобус цепляет толпу людей грязным боком в наклоне, и тра-

ектория его направления изменяется, колеса насакивают на бордюрные плиты, и огромная машина уже летит в воздухе, переворачиваясь и подминая под себя людей, как пластилиновые фигурки, размазывая жизнь по асфальту тротуара...

Алексей, как и прежде, ощутил сначала гадкий свинец в руках, а потом внутри себя с удивлением обнаружил стальную пружину, сжатую до предела и готовую вот-вот распрямиться, по первому требованию. Против воли он мысленно зарычал, вызывая тем самым во всем теле тяжелую вибрацию – и пружина распрямилась.

Алексей расставил руки, обхватывая всех, до кого смог дотянуться, и увеличивающейся в геометрической прогрессии массой своего тела налег на неподвижно замерших в нелепых кукольных позах людей, сдвигая их, наступая... Люди в тисках остановившегося времени были неуступчивы, монолитны, упорно сопротивлялись, уподобившись планетным системам – ведь никто из них всё ещё не видел нависшую над их жизнями громаду неуправляемого автобуса. Алексей напирал, толкал мягкую, плохо поддающуюся массу, и масса цеплялась друг за друга в плотном потоке, тянула за собой всех связанных с нею тесным физическим контактом.

Взвизгнули шины по бордюру, и время взяло с места четвёртую скорость, вернув звуки и движение. Закричали-заверещали люди, но уже масса была отодвинута на несколько спасительных сантиметров, и толпа эта повалилась, топча и давя друг друга, а сверху барахтался обессиленный Алексей, запутавшийся в чужих руках и ногах... Автобус просвистел мимо, зацепил фонарный столб, сбил рекламный щит, и врезался в мачту светофора.

Ещё барахтающийся и задыхающийся Алексей краем глаза увидел, как из автобуса посыпались стёкла, и уцелевший шофер с безумными глазами и лбом, залитым кровью, открыл двери, пассажиры вывалились из него, помогая друг другу... Кто-то из прохожих рванул на помощь, и они оттаскивали пассажиров подальше от автобуса, и двое здоровенных мужиков, дотянувшись до покорёженных окон, кричали что-то в салон, а потом один из них, напрягаясь, принял изнутри машины девочку лет пяти, и она бессильно повисла на руках у здоровяка.

Тогда, отдышавшись и вытирая с прокушенных от напряжения губ кровь, Алексей яростно оттолкнул от себя чьё-то мягкое тело, прогибающееся под ним и мешающее нащупать опору, сумел встать и тут же тоже на слабых ногах побежал к автобусу...

Он помог вытащить полного, невероятно тяжелого пожилого мужчину в сером испачканном костюме, помог отойти ему на безопасное расстояние, усадил, и снова побежал к автобусу.

Рядом с собой он увидел Любку, исцарапанную и взлохмаченную, и Кирилла, перепачканного уже чьей-то кровью – они тоже помогали, отводили, усаживали, выносили, успокаивали...

А потом автобус загорелся. Но внутри уже никого не было.

Алексей тяжело сел на тротуар, не чувствуя тела, рядом плюхнулась Любка. Кирилл огромными глазами смотрел на пылающий автобус, одновременно пытаясь вызвать пожарных и скорую помощь по своему умершему мобильнику, но уже где-то рядом гудели сирены, и неслись к пожарищу красные машины...

– Так-то бывает... – пробормотал толстяк в испачканном костюме, вытирая мокрое лицо мятым носовым платком. – Когда-то и так вот...

– Здравсте, Пётр Васильич, – сказал Алексей ему. – На экзамен опаздываем, да?

Это был преподаватель философии, занятный добрый дядька, преданно любящий и студентов, и институт.

– А, Калин, – сказал преподаватель и посмотрел на Алексея странным, обреченным взглядом. – То-то смотрю, лицо знакомое... Шустро вы... Людей вот... Какие, теперь, к черту экзамены, друг мой? Мир вот... никакой...

Он вдруг повалился на спину, захрипел. Алексей попытался подхватить его, но вес Петра Васильевича был слишком велик, и он не смог удержать преподавателя... Он ударился затылком об асфальт и затих. Любка взвизгнула, вскочила, попыталась делать искусственное дыха-

ние, подоспевшие к месту аварии врачи оттолкнули ее, один пощупал пульс, отрывисто бросил «сердце... черт...», и преподавателя быстро погрузили в машину.

Любка ревела.

– Родственники? – строго спросил усатый врач.

Любка прижалась к плечу Алексея и задрожала.

– Нет, мы его студенты, – сказала она, хлюпая носом. – Он в этом институте работает, Пётр Васильевич его зовут, Птицын.

– Понятно, – ответил врач. – Сообщим.

И уехал с каретой скорой помощи.

– Вот тебе и ХААРП, – потрясенно произнес Кир, глядя вслед уезжающей машине. – Чуть было все не сгорели.

– Пойдёмте, ребята, – всхлипнула Любка. – Умоемся...

– У тебя платье в крови, – сказал Алексей. – Ранена?

– Нет, коленку только ободрала – ты прямо на меня упал, – она наклонилась и подула на красное колено. – А ещё локтем в лоб заехал – синяк будет, наверное...

– Прости, – сказал Алексей. – Нечаянно.

– Это ладно, ты тоже вон губу прокусил, – ответила Любка и чуть улыбнулась. – Пойдёмте, а?

Наверное, было бессмысленно идти. Но они пошли, молча поддерживая друг друга и стараясь не потеряться в толпе.

Университет тоже вязко и противно гудел паникой, истерикой, непониманием происходящего, но преодолевая странные ощущения страха в душе, студенты шли на занятия, и аудитории были заполнены, и профессора читали лекции, шли зачёты...

Экзамен ещё не начался – ждали профессора Птицына.

Любка быстро нашла отца и сообщила о сердечном приступе Петра Васильевича.

Комлев долго молчал, услышав новость, жевал толстые губы. Студенты топтались рядом, не зная ещё – радоваться или печалиться отсрочке экзамена.

– Ждите, – сказал, наконец, Комлев, – я к ректору схожу.

И они остались ждать.

Прошла, казалось, целая вечность, становилось жарко и душно в коридорах, и вскользь прокатился слух, что ректор дал команду не проводить экзамены сегодня. Кто-то вяло предложил «сбежать», кто-то – «покурить», но всё-таки топтались возле дверей аудитории и ждали, ждали...

Алексей залез с ногами на подоконник и стал смотреть вниз в окно, Кирилл рядом оперся локтями, согнувшись и выставив тощий зад в обвисших джинсах. Они молча глядели, как на мраморных ступеньках появилась изящная красавица Анжелика в белоснежной шифоновой тунике, подпоясанной золотистым пояском. Она остановилась, откинула с плеч пышную, свободно заплетенную чёрную косу и вдруг резко, почти воровато оглянулась на окна... Алексей едва сдержался, чтобы не отпрянуть, спасаясь от её острого взгляда.

И уже рядом с ней оказался черноволосый элегантный Эдик, всегда улыбающийся и такой вежливый, и Анжелика тотчас же ухватила его за локоть, повернула к себе, и он с готовностью поцеловал её, обхватив за талию узкими лапками... Алексей опустил взгляд, но Кирилл уже комментировал со злостью:

– Никакого стыда у людей... Но, стерва, какая же красивая...

И Алексей заставил себя смотреть, как целуется эта великолепная пара, и как с завистью оглядываются на них проходящие студенты, и даже преподаватели не делали им замечание... Злобно шикнула Любка – она тоже подошла и сразу же налилась краской, увидев такое бесстыдство, культурно выругалась и даже коротко плюнула. А Анжелика, обняв Эдика, смотрела поверх его чёрных блестящих вихров на Алексея и внезапно, без всякого повода, засмеялась,

запрокинув личико, и заржал Эдик, и всё стало ещё противнее и омерзительнее, когда она по-свойски похлопала друга ниже поясницы и отпустила на волю...

– Дряннь, – констатировала Любка. – Ш.....ва...

Глава 4.

К обеду все более-менее успокоились. Истерия и испуг потихоньку сошли на нет, солнце спокойно и тепло сияло с неба в своём привычном виде. Заработали кое-где светофоры, разъехались автомобили, долго и противно трещащие на холостых ходах.

Студентам объявили, что профессор Птицын вне опасности, но несколько дней пробудет в больнице, и что на экзамене его заменит профессор Павел Андреевич Комлев (что было отличной новостью – сдавать зачёты и экзамены Комлеву было легко, студентов он любил, бессовестным образом баловал и всем давал шанс получить отличные оценки).

И вообще, начавшийся нервно день продолжался в странной атмосфере всеобщего сплочения. Преподаватели были исключительно снисходительны, студенты неожиданно успешны и подготовлены, не было поставлено ни одного «незачёта», и ректор несколько раз продефилировал по коридорам под ручку с проректором, чего никогда раньше не случалось. Ректор был улыбчив, даже отвлекался от беседы с проректором, отвечал на все «здрасьте», что тоже казалось немислимым, но вид у него при этом был несколько потерянный, глаза блуждали по лицам студентов, словно бы в поиске знакомых, но знакомых не было, и он вновь вплотную поворачивался к проректору, и шептал ему что-то. Проректор же, изумлённо вскинув и без того высоко расположенные седые брови, деревянно вышагивал рядом, неимоверно и несуразно вскидывая тощие и длинные, как у журавля, ноги. Эта парочка прогуливалась таким образом почти до вечера – ректор шептал, проректор молча изумлялся, стуча башмаками, и оба они улыбались, кивали, вращали глазами и повергали студентов в нервное веселье.

Даже элегантный и обычно не снисходивший до простых смертных, хотя и вежливый до тошноты, сын ректора Эдик почти до обморока поразил толстенькую, рыхлую Любашу, улынувшись ей, просто поднимаясь рядом по лестнице. Любка, обмирая, сказала ему «Здравствуй, Эдик», а он вдруг повернулся к ней, ответил «Здравствуй, Любаша», и даже слегка пожал ее локоть... Любка, с трудом переставляя занемевшие вдруг ноги, взобралась кое-как на третий этаж и забилась в угол, застыв там с маской полнейшего идиотского блаженства на лице... В тот миг она сразу же простила Эдику и публичные пошлые поцелуи с ненавистной ей куколкой Анжеликой, и свои бесконечные ожидания его внимания, и даже то, что однажды возле кофе-автомата он бесцеремонно отодвинул ее в сторону, сказав строго и громко «женщина, прошу прощения!» и без очереди взял кофе. Эту «женщину» Любка вспоминала долго, злилась, дулась, обижалась, даже клялась Эдика разлюбить, но стоило ему вот так случайно улыбнуться и аккуратно пожать ее пухлый локоть с ямочками – и все было забыто. Он, оказывается, даже знал, как её зовут! А значит, значит... И Любка впала в счастливый ступор в пыльном углу, прямо за деревянной кадкой с огромной искусственной пальмой, поглаживая свой локоть и вновь ощущая на своей коже прикосновения дорогого Эдика...

В пароксизме всеобщей нежности и Кирилл признался в любви Любке – она спокойно и сонно взглянула на него, прибывая в своём сверкающем тёплом мире, изолированном от чужаков, затуманенные глаза смотрели мимо, в счастливую пустоту, так что Кирилл обнаглел, поцеловал Любку, но, не встретив сопротивления, растерялся, запаниковал и сбежал.

Алексей сидел на подоконнике, ожидая начала экзаменов, подтянув колени руками и положив на них подбородок. Он смотрел на улицу, а на улице прохаживалась Анжелика в своей роскошной тунике, зеркально отсвечивающей на солнце, и делала вид, что читает конспект, но глаза её то и дело скользили по окнам, и тогда Алексей отворачивался и ждал, пока она пропадет из виду. Она пропадала, но появлялась вновь, и рядом оказывался то Эдик, то слу-

чайный однокурсник, то вдруг нарисовался Кирилл и бесстрашно подошел к Анжелике, истерично улыбаясь и что-то говоря. И она даже кивнула ему, тоже снизошла, так сказать.

Почему – Анжелика? – думал Алексей, разглядывая их обоих, так странно смотревшихся рядом. – У неё есть обычное имя – Ганна, и имя очень даже вполне себе, что-то старинное, звучащее богато и благородно, одновременно мягко и ладно... Но она всех приучила называть себя Анжеликой – даже преподавателей... Почему красивые, кукольно-прекрасные, но развратные девушки часто пытаются избавиться от простых имен, выдумывая себе какие-то безликие и такие же кукольные прозвища? Именно прозвища. Как продажные женщины – скрываются под маской ненастоящих имен. В деревне, по соседству с Алексеем, когда-то жила девочка, милое и доброе существо, голубоглазое и светловолосое – Александра. Санечка, Шурочка, Сашенька... В 16 лет Сашенька уехала учиться в город и вернулась через два года Сандрой – размалёванной грубиянкой, донельзя истеричной и капризной. Родители тщетно пытались вернуть дочь в привычное русло скромности и порядочности, но Сандра уже вкусила порочных плодов и они пришлись ей по вкусу. Она пропадала неделями, её привозили домой какие-то незнакомые мужчины на дорогах иномарках – пьяную, пропахшую табачным дымом, с размазанной косметикой, иногда даже с синяками... Сандра отлеживалась, в приступах ложного раскаянья и рыданий швырялась вытасченными из-за пазухи пачками денег, но проходил день – и она опять исчезала. Потом её нашли в петле, за сараем – она повесилась, узнав что беременна... На надгробной плите без креста высекли только имя – Сандра. Ни фамилии, ни дат... И ничего не осталось после неё – только глупое, пустое прозвище развратной женщины, предавшей и себя, и родителей. После похорон они ни разу не пришли на могилу, вынесенную за пределы кладбища – слишком позорно было для них поминать свое глупое, павшее так низко дитя... Сандра. Как будто глухой звон надтреснувшего бокала. Но у Алексея осталось письмо от Сашеньки – она написала ему несколько строчек, подсунула под дверь в день самоубийства, словно понимала, что никто из близких не простит её. А Алёшка – простит. И он простил, прочитав: Леший, какая же я дрянь... Но ты молись за меня, молись не за гнусную стерву Сандру, а за Александру, Сашеньку... Будь хорошим, Леший...

А ведь они почти и не дружили даже, так – соседи...

На могилах самоубийц, говорят, не растут деревья, сколько не сажай. Но Алёшка каждый год по весне закапывал у могилки Саши желуди, орехи, косточки от сливы – ему очень хотелось, чтобы выросло какое-нибудь деревце и в деревне Сашу все-все бы простили и пожалели. И спустя лет десять на могилке внезапно выросла березка – тонкая, кружевная, гибкая. Алёшка не мог на неё налюбоваться – точь-точь юная Сашенька, юная, озорная, такая нежная. Он не сдержался, рассказал бабушке. А бабушка – матери Сашеньки. И долго две женщины стояли у ограды, разговаривали. Алёшка, пробегая мимо, услышал невольно, как бабушка сказала: «Вот видишь, Надежда, даже бог ее простил уже, кто-то сильный молился за неё, кто-то не кровный, но просил искренне... И ты должна простить»...

Алексей поежился, словно почувствовав холодок на спине. Он ещё ведь каждый год тайком ходил на её могилу и зажигал свечу – чтобы мятежная душа Сашеньки нашла путь к свету... Он всегда старался быть хорошим, она же просила об этом.

Вот и Анжелика–Ганна... Прячется за кукольной маской, но какая она на самом деле? Так ли скверно было её прошлое, что она отказалась от него и выдумала новую себя? Или такая она и есть – бесстыдно-пронзительная, отталкивающая и тоже пустая, как Сандра?... «Но что-то есть в ее глазах...»

Начавшийся экзамен отвлек его от полудремотных мыслей. Пришел Кирилл, покрытый горячечным румянцем – он признался в любви ещё семерым девушкам, и одна даже благосклонно позволила проводить её сегодня до дома. Неспешно прошел в аудиторию массивный, как старинный комод, Павел Андреевич Комлев. Собралась и группа, не было только Любки, и Комлев отправил ребят искать её, не сумев дозвониться по мобильному телефону...

...Они наткнулись на неё случайно – в тупиковом коридоре, услышав невнятную возню и вздохи в полумраке. Бесконечно счастливая Любаша, зажатая кучерявым долговязым джентльменом Эдиком всё за той же грязноватой кадкой с искусственной пальмой, ничтоже сумняшеся обнималась и целовалась с ним, не видя и не слыша ничего и никого. И только ребята попробовали вмешаться в акт Любкиного грехопадения, как ниоткуда возникла прекрасная Анжелика. Она преградила им путь, остановившись на середине узкого коридорчика, прищурила искрящиеся небесно-лазурные глаза в полумрак и очень негромко кашлянула. И тотчас же Эдик отпрыгнул от Любки, а она от него, и, как два воришки, они принялись поспешно ликвидировать следы своего преступления – Любка нервно одергивала платье и вытирала размазанную по подбородку помаду, а Эдик приглаживал всколоченные чёрные вихры и пытался придать своему лицу обычное выражение легкой аристократической скуки. Он тоже был испачкан помадой.

Алексей взглянул на Анжелику и обомлел: ему вдруг представились перекошенные Анжеликины губы, такие яркие и чётко очерченные, трясущиеся в рыданиях щёки и бриллиантовый всплеск слёз в глазах. Они горели тысячами искр, и вот-вот могли вспыхнуть и испепелить предателя Эдика, и она сама, казалось, выставила вперед руки с растопыренными пальцами, готовая вцепиться в Любкины волосы. Алексей подался вперёд... и наваждение исчезло также внезапно, как и пришло. Анжелика была спокойна, потому что сказала ровным, слегка насмешливо-театральным голосом:

– Фи, Эдуард... *mon cher ami*... ну что за пошлость...

Это явно была давно заученная и не раз произнесенная фраза – своего рода секретный код, понятный только Эдику и ей, потому что красавец-ловелас сказал в ответ по-французски, что-то вроде «*juste de la creme, bebe*» и коротко засмеялся. На лице её не мелькнуло ни презрения, ни обиды или злости, ни ревности, но что-то неуловимое всё-таки на мгновение открылось в её глазах – легкий тёмный туман, что-то нехорошее, не присущее ей, как первой красавице университета. Но Алексей понял этот шифр, понял, что сказал Эдик, и в каком контексте он это употребил, а потому нахмурился, резко шагнул вперед и выдернул Любку из угла. Кирилл сжимал кулаки – наброситься на Эдуарда ему мешала только Анжелика, оказавшаяся между ними. И он бы, несомненно, не снёс такого оскорбления в виде лобзаний с предметом его любви даже от сына ректора, но тут внезапно Анжелика томно подхватила разогретого до уровня кипения Кирилла под локоть и увлекла прочь, на ходу бросив через плечо специально для Эдика:

– Заболеете, *mon cher*, несварением... сливочки-то безразмерно вкушая...

Кирилл, как укрощенный дурманом зверь, послушно пошел с куколкой... Любка прятала лицо и стыдилась поднять глаза на Алексея.

– Экзамен начался, – сказал охрипшим голосом Алексей и невольно кашлянул. – Пойдём.

Элегантный Эдик поправил волосы, одним движением очистил губы... Любка робко спросила, не глядя на него:

– Так вечером... встретимся?

– Несомненно, деточка, – наигранным басом ответил Эдик и вычурно поклонился. Впрочем, у него это вышло очень натурально, естественно, так что не возникло вопросов, и только Алексей увидел явную и наглую ложь в его словах.

По дороге в аудиторию Алексей завернул Любку в туалет – привести себя в порядок. Когда же они пришли, наконец, к аудитории, Комлев уже запустил первую пятёрку студентов на сдачу, и пришлось ждать немисливо долго, пока они «отстреляются» и выйдут – Алексей сам предпочитал проходить на зачёты и экзамены в первых рядах, чтобы не томиться ожиданием.

Перелистывая конспект, он прошелся по коридору и за поворотом наткнулся на уже поднадоевшую амурную парочку – Анжелика целовалась с Эдиком, надёжно прижатая к гладкой стене... Он не вспугнул их, даже напротив – Эдик отвлёкся, чтобы буркнуть:

– Опять ты?.. Уже хватит следить за нами!..

А Анжелика медленно взмахнула до невозможности пушистыми ресницами – соблазнительно, грациозно... Они играли – эти двое, – играли на публику развратно и грязно, непонятно зачем, но ни один из них не был влюблен, и не был поглощен страстью, и от понимания этого становилось ещё более противно...

– Тебя ректор вызывает, – почему-то солгал Алексей.

– Ччёрт... – Эдик внезапно смутился, оттолкнулся от Анжелики и засуетился, отыскивая мобильник по карманам. – Я же ему обещал... да... Вот же чёрт!

Не нащупав ничего, он подхватил рюкзак и поспешил прочь.

Анжелика накручивала кончик косы на палец и, наклонив голову, смотрела на Алексея с легкой полуулыбкой.

– Почему такое странное имя – Анжелика? Чем тебе Ганна не угодила? – вдруг спросил Алексей, и она, не ожидавшая вообще никаких вопросов, на секунду растерялась, опешила даже, но тут же разозлилась, сверкнув глазами, и ответила с плохо скрываемой злостью:

– Не твоё кроличье дел! – и, взмахнув косой, стремительно умчалась по коридору.

Золотой след её запаха держался в воздухе ещё долго.

Плохо, подумал Алексей. Ударил... Как пощечина... Не простит.

Золотые следы в воздухе он видел часто. Они означали многое, разное – но всегда нечто гадкое, потаенное, тёмное, о чем хотелось забыть или даже полностью стереть из памяти. Золотые следы были у жертв насилия и самоубийц. У раскаявшихся преступников и взяточников. Это было страшное чувство вины и угрызания совести, невыносимого стыда.

Золотые нити ужасных душевных мук... Они могли душить их обладателя, или путаться в волосах, или постоянно биться о лицо невидимой липкой паутиной. Всегда по-разному проявляя они себя, но всегда означали боль и страдания глубоко внутри сердца.

Алексей в задумчивости вернулся к друзьям. Через час они благополучно и легко сдали свой последний в этом году экзамен, получили заветные подписи в зачётках и оказались абсолютно свободными.

Профессор Комлев на секунду покинул аудиторию, чтобы лично поздравить их с началом каникул, и Любка радостно обняла его, чуть ли не подпрыгивая от избытка чувств.

– Занятно отвечали, Алексей свет Аполлинарьевич, – пробасил профессор. – Впрочем, сегодня всё занято...

И пошел по коридору, не сгибая коленей – словно ноги у него задеревенели.

Алексей смотрел ему вслед и померещилось ему странное: будто бы грузный профессор идет не по университетскому гладкому паркету, а по мелкому желтому песку, по пустынному пляжу, увязая в нём и оступаясь, с трудом вытягивая проваливающиеся по колено ноги и взмахивая для равновесия руками. И с каждым шагом идти ему становилось всё труднее, песок поглощал его и уже он не шел, а полз, погружаясь в желтую массу, как в воду – ещё мгновение, и профессор должен был пропасть из виду... Но дёрнулась реальность, моргнул свет, и всё встало на свои места – шумный коридор, слегка померкший паркет, потоки студентов и деревянно вышагивающий профессор...

– Вот чёрт, – раздосадовано сказал Кирилл, взглянув на часы. – Я ж напросился эту провожать... как её... страшненькую такую, с монобровью... С первого курса... Не помнишь, как её зовут?

Глава 5.

Ни в общежитие, ни к настойчиво зовущей к себе на ночь домой Любке («Братцы мои, дружи, свобода же, свобода! Надо чутка отметить! И коньяк же! Коньяк недопит и плачет там, в баре, от огорчения и одиночества!») идти Алексею не хотелось. Он испытывал некоторое истеричное состояние, которое обычно накатывает после сильных эмоциональных нагрузок

– одновременно мучает желание сбежать ото всех, остаться в одиночестве, и желание что-то делать, куда-то идти, с кем-то говорить, может быть даже спасти кого-нибудь от чего-нибудь.

Синдром беспокойного и утомленного сознания.

Может, просто пойти в общежитие, выспаться для начала? В любой непонятной ситуации ложись спать, говорит Кирилл в пароксизмах мудрости.

После холодно-мраморных коридоров университета воздух улицы показался невероятно тёплым, но не свежим, а затхлым, душным, застоявшимся воздухом переполненных студентами аудиторий. Солнце тускло светило сквозь дымку, и птички трели слышались приглушенно, раздвоенно, отдаваясь эхом в усталом сознании.

Он присел на ближайшую скамейку, расслабил плечи и поднял лицо к солнцу, жмурясь. Солнце совершенно не грело.

На аллеях университета уже почти никого не было – сессия закончилась, редкие студенты ходили по гулким коридорам и парку, заканчивая свои учебные дела, но в целом тишина наступала, медленно окутывая недавно гудевший улей учебного заведения.

Алексей закрыл глаза и мгновенно провалился в мягкую дрему, существуя на границе сна и яви. Он видел свет сквозь сомкнутые веки, слышал отдаленные звуки города, но в то же время темнота окружила сознание, и звуки перестали принадлежать реальности.

Ему казалось, он шел по утоптанной тропе, мягко пружинящей под ногами, а вокруг был редкий лес, сумерки, почти что ночь, только видны были нечёткие контуры деревьев и огромных листьев лопуха. Воздух пах свежим хлебом и сладким, одеколонным ароматом ночной фиалки. Такие фиалки каждое лето высаживала в длинные ящики на подоконниках тётка Валентина Матвеевна, и как же одуряюще-пьяняще пахли они все жаркие ночи напролёт...

Он вышел к темной, медленно несущей свои воды, речке. Вода казалась густой, как деготь, и такой же чёрной, сумерки густели, и всё вокруг погружалось в тёплую, дрожащую темноту.

За рекой, над дубовой рощей, разгоралось оранжевое зарево. Алексей залюбовался им – так нежно, уютно и притягательно оно сияло на фоне темно-фиолетового неба.

На другом берегу реки вдруг появилась еле угадываемая фигура женщина. Высокая, чрезвычайно худая, обритая наголо, в белом свободном балахоне, она вышла из-за огромного валуна и медленно пошла по берегу, утопая по щиколотку в мелком песке.

Алексей неловко ступил на веточку, и она хрустнула, заглушая тонкое журчание реки. Женщина остановилась и посмотрела в его сторону. Он не видел ее лица, но по изящным движениям, тонким рукам и прямой фигуре в ней угадывалась невероятная красота и сила.

Женщина сложила руки ковшиком и, нагнувшись к реке, захватила воду. В тишине она плеснула воду в сторону Алексея, и вместо воды вылетели из её ладоней несколько огненных мячиков, крошечные шаровые молнии. Они подлетели к Алексею и закружились вокруг него; от них веяло приятным жаром. В одном из шаров появилось отражение женщины – не молодая, но всё ещё красивая, с огромными выразительными глазами, она протянула руку к Алексею и сделала движение, будто чертя в воздухе какой-то знак.

– Иди-иди, – раздался шепот со всех сторон, – иди, Лёшенька, ты нужен... А я ещё подожду...

Тепло и нежность окружило Алексея, и он во сне улыбался, купаясь в этом чувстве, словно в привычной домашней обстановке его приняла любящая семья.

– Иди, – строго зашептали голоса. – Ступай, Леший мой... Ничего не бойся.

Шары кружили и кружили, сливаясь в общий огненный круг. Они светили всё ярче и ярче, и он перестал видеть фигуру на том берегу, тщетно вытягивая шею над разрастающимся кольцом света.

...За заборчиком высокого кустарника, прямо за спиной, звякнул мобильник – Алексей вздрогнул, исчезли фиолетовые сумерки и огненное кольцо, мягкое журчание реки и силуэты

огромных деревьев. Он с досадой поморщился, вырванный из приятного полу-сновидения, открыл глаза и с неудовольствием огляделся, ища источник звука, разбудившего его.

– Да! – резко и недовольно, даже раздраженно, сказал голос – это был голос Эдика. – Я сказал – всё устрою. И девочки будут... Да... В девять ждите.

Он помолчал, слушая ответ, а потом уже действительно со злостью сказал:

– Анжелики не будет. Нет, я сказал. Девочек она пришлет... Ччёрт... Ладно, я понял. Я попрошу её. Но она уже давно сама не ездит... – тон его голоса вдруг изменился до полной покорности: – Я попрошу... Я очень хорошо попрошу её.

После паузы (Эдик, видимо, удостоверился, что отключил телефон) он отчетливо и с ненавистью произнес:

– Извращенцы.

И вышел прямо на Алексея. От неожиданности он замер в испуге, даже побледнел, но тут же ярость от осознания, что кто-то мог подслушать беспокойный разговор, охватила его, и Эдик, отбросив обычную свою интеллигентность, рявкнул:

– Тебе чего здесь надо?

Алексей встал, забросил сумку на плечо, спокойно ответил:

– До свиданья, Эдик.

И пошел было по аллее, но разъяренный собеседник внезапно набросился на него со спины, повалил, так что Алексей больно приложился подбородком об асфальт, опасно клацнув зубами, и попытался обхватить руками за шею, усевшись на спину. Тонкокостного и легкого на вид Эдика сбросить со спины внезапно оказалось делом не простым, и Алексею пришлось попотеть, чтобы сделать это. Впрочем, едва Эдик был сброшен на асфальт, он тут же растерял половину своей ярости и силы, и оказался неспособен блокировать чёткий удар Алексея в челюсть. Стукнули зубы, брызнула кровь – и Эдик стих, сжался, обхватив голову руками, став похожим на эмбриона-переростка.

Второй раз Алексей бить не стал, хотя кулаки чесались, сдержался. Он потрогал разбитый подбородок – содранная кожа изрядно кровила, а с собой не оказалось ни платка, ни салфетки. Белая рубашка была безнадежно испорчена. Мысленно выругавшись, Алексей оглянулся – нет ли свидетелей, что это Эдик напал на Алексея, а не наоборот. Сын ректора имел бы явное моральное преимущество в доводах, если дело дойдет до разбирательств в ректорате.

В конце аллеи стояла Анжелика, с каменным лицом глядя на безобразную сцену.

– Альфа-самцы, – равнодушно сказала она, направляясь к ним. – Мон шер, поднимайтесь уже, полировка асфальта вашей брендовой водолазкой совершенно бессмысленна.

Эдик сел, вытирая разбитые губы и рассматривая сбитую при падении ладонь.

Анжелика взглянула на него, приподняв изящную бровь, а потом повернулась к Алексею:

– Хороший удар.

– Я старался, – бросил Алексей, подбирая сумку.

Она шагнула к нему вплотную, широко раскрыв необычно голубые, словно бы опалесцирующие глаза. И чудо случилось вновь: перед ним стояла нежная и робкая, удивленная и восхищенная молодая девушка, без тени холода и железа, без намека на развратную натуру. Кожа нежно сияла всеми оттенками персика, яркие губы оказались совсем близко...

– Анжелка, руку дай, – мрачно сказал Эдик. – Кажется, я ногу подвернул.

И наваждение пропало – холодные глаза стали сухи и безразличны, лицо побледнело до голубизны, чёрная шелковая коса на плече скатилась на спину и отключила все эмоции на лице.

Она помогла ему подняться. Эдик попрыгал на одной ноге, изображая полный отказ второй конечности, но прыгать так до отцовского кабинета было бы неудобно, да и долго по времени.

– Скажешь отцу – пожалеешь, – угрюмо пригрозил Эдик Анжелике-Ганне, а та равнодушно пожала плечиком, демонстративно и без всякого успеха пальчиками отряхивая его водолазку.

Эдик злобно глянул на Алексея исподлобья, оскалился и похромал к университету. Анжелика неспешно последовала за ним, ступая плавно и величаво, покачивая бедрами.

Идти в таком виде – с кровью на лице и в грязной рубашке, – по улицам до общежития было неприятно.

Надо умыться, решил Алексей, и тоже двинулся по направлению к университету.

Шагнув на первую ступеньку, он замер внезапно и посмотрел под ноги – нога в кроссовке на несколько сантиметров погрузилась в розовый гранит ступеней, как в мягкий воск. Он отдернул ногу и наклонился – след от кроссовки быстро выровнялся. Он осторожно наступил в другом месте – та же история. Другая ступенька – то же самое.

Солнце мигнуло и отвлекло от экспериментов с мягким гранитом.

Алексей поднял голову и увидел, как солнце, блекло-пепельное за шифоном облаков, почернело по краям – на него можно было смотреть, даже не щурясь. Зловещая кромка пульсировала, наползая на светило и поглощая его. А потом ярчайшая вспышка озарила всё небо, и странная молния, неоновое-серебряная, ударила из облаков прямо в центр солнца. В одно мгновение оно стало зелёного цвета, но чёрная кромка исчезла. Салатовый свет залил всё вокруг, и наступила удивительная тишина – как во время затмения, когда все животные и ветер замолкают в недоумении, сбитые с толку мраком среди дня.

Зелёное солнце резко запульсировало.

Стало жутко.

Алексей побежал по ступеням вверх, с усилием вытягивая ноги из мягкого гранита. Верхние же ступени оказались по-прежнему тверды.

В огромных дверях собралось несколько человек – они глядели на зелёное солнце и переговаривались, не забывая снимать природный феномен на камеры мобильных телефонов.

Алексей проскочил мимо них, метнулся в туалет и быстро умылся. Подбородок уже не кровоточил, однако болел и саднил – туда легко могла попасть инфекция, неплохо бы было обработать его.

По коридору, залитому зелёным светом, он пошел в медпункт.

– Ой, Алексей! – навстречу выскочила Любка – она тащила тяжелые пакеты, набитые продуктами. – Хорошо, что ты не ушел ещё. Я вот на кафедру папе еду несу, помощи, руки отваливаются...

Она увидела разбитый подбородок и кровь на рубашке, откровенно испугалась:

– Это кто тебя? Эдик, да? Ну, точно же, Эдик?

– Упал, – сказал полуправдой Алексей, забирая пакеты. – Заметила, что со ступеньками случилось?

– Да, я там порядком увязла, – Любка успокоилась. – А с солнцем что творится? Опять ХААРП? А где Кир? Убежал за своими курицами, а я вот одна сумки таскаю.

– Так позвонила бы мне.

– Мобильник на кафедре оставила. Да и связи почти нет, антенна нулевая. Опять какой-то сбой у них там... – и она неопределённо мотнула головой в сторону.

А у Эдика мобильник ещё работает, чуть не сказал Алексей, но вовремя сдержался.

Они дошли до кафедры – в кабинете было пусто. Любка достала из аптечки пластырь и йод, кое-как заклеила Алексею следы недавнего сражения, потом принялась раскладывать на длинном столе нарезку, паштеты и хлеб, погнала Алексея мыть овощи и фрукты. В коридоре он вновь столкнулся с Эдиком, но тот независимо прошел мимо, уже даже не хромя.

Пока Любка хозяйничала, накрывая для преподавателей банкетный стол по случаю окончания сессии, Алексей смотрел в окно на пульсирующее солнце. Зелёный свет медленно переходил в зону обычного спектра.

На подоконнике стояло обыкновенное радио – Алексей машинально включил его, пощелкал, ни на одной частоте не было ни звука.

Тогда он взял пульт и попробовал включить телевизор на стене – экран осветился голубым, ни один канал не работал. Может, заново настроить, подумал Алексей и запустил автоматическую настройку. Ничего.

– Наверное, это солнце со своими вспышками глушит сигналы, – предположила Любка. Алексей задумчиво покивал головой.

Ему было очень беспокойно – не страх, но предчувствие страха холодком подкатывало к горлу.

Стукнули в дверь – робко, неуверенно. А потом вдруг с той стороны вдруг раздались вскрики, несколько ударов сотрясло дверь, потом в неё яростно стали царапаться, так что Любка ойкнула и перестала нарезать огурцы, уставившись на дверь.

– Лёша, глянь там, – сказала она упавшим голосом.

Он щелкнул замком, открыл и стремительно отшатнулся – прямо на него из проёма вывалилось огромное тело старшего куратора Евгения Евгеньевича. Оно было безжизненным, это тело. Бывший боксер, великан, седовласый и представительный Евгений Евгеньевич, прямой и одеревеневший – он рухнул всей тяжестью на пол, уткнувшись лицом в пол, и остался лежать неподвижно. Алексей с опаской протянул руку, попытался нащупать пульс – ничего.

Любка часто моргала, прижав к груди огромный столовый нож, которым нарезала овощи. Глаза ее были как блюдца.

Алексей отдернул руку, выпрямился, кашлянул.

– Я могу ошибаться, конечно, – медленно сказал он, – но...

Любка пискнула что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.